

© 1990 г.

БЕРНШТЕЙН С. Б.

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС (ОЛА). КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Памяти академика Б. А. Гавранка

Лингвистическая география как особый прием изучения диалектов стала активно развиваться на рубеже XIX—XX вв. Первое место здесь заняли германисты и романисты. Именно им принадлежат первые лингвистические атласы (атласы Г. Венкера, Г. Вейганда, Ж. Жильерона и Э. Эдмона, К. Яберга и Я. Юда и др.), а также исследования теоретического характера (труды Л. Шпицера, А. Мейе, А. Доза, Э. Гамильшега, Б. Террачини и др.). В каком-то смысле можно утверждать, что лингвистическая география является детищем германистов и романистов. Медленно и противоречиво новые идеи и технические приемы описания диалектной речи начали проникать и в славянскую диалектологию (см., например [1]). Примечательно, что подлинными инициаторами нового направления в славянской диалектологии были неславянские лингвисты. В своих норвежских лекциях 1924 г., легших в основу книги «*La méthode comparative en linguistique historique*», А. Мейе сообщал: «Молодой французский языковед Теньер издает сейчас подробное исследование о формах двойственного числа в словенском языке, основанное на наблюдениях лингвистико-географического типа» (см. русский перевод книги [2]). Труд Л. Теньера [3] получил очень высокую оценку С. Попа [4]. С полным основанием можно утверждать, что именно Теньер положил первый кирпич в здание славянской лингвистической географии. Он точно определил задачи исследования, свои методические принципы, четко сформулировал такие приемы сбора материала, которые обеспечивали бы его надежность. Ученый в полной мере оценил высокий общеобразовательный уровень населения Словении, хорошее знание родного литературного языка, во многих случаях знание иностранных языков. Составленная им программа и выработанные приемы работы с информантами показали, что опытный диалектолог может уверенно решать свои задачи с людьми, которые хорошо знают не только родной диалект, но и литературный язык. С. Поп справедливо пишет, что труд Теньера не только заложил основу для построения южнославянской лингвистической географии, но одновременно дал много для общей теории и практики изучения диалектов методами лингвистического картографирования. К сожалению, многие важные методические принципы французского слависта не были в дальнейшем использованы славянскими диалектологами. Речь идет не только об атласе Теньера, но и обо многих исследованиях в области западноевропейской (германской и романской) лингвистической географии.

Благодаря энергии молодого французского слависта вопрос о славянском лингвистическом атласе был включен в повестку дня I Международного съезда славистов, который состоялся в Праге во второй половине 1929 г. Тезисы доклада «Projet d'un atlas linguistique slave», подготовленные Теньером совместно с Мейе, освещали лишь самые общие вопросы. Однако в тезисах имеется один пункт, который и в настоящее время представляет особый интерес. Французские ученые предлагали рассматривать славянский диалектный континуум в аспекте единого языка. Таким образом, в докладе речь шла не о славянских языках, не об атласе различных славянских языков, а об едином Славянском языковом атласе. К этому их толкала и привычная ситуация для германских и романских языков, где диалектные различия внутри одного языка сплошь и рядом глубже диалектных различий самостоятельных славянских языков.

Была и другая, более важная причина. Слависты-диалектологи решали только исторические задачи. Так было до появления лингвистической географии, так было и после. В романской и германской лингвистической географии были сильны иные тенденции. С помощью нового приема изучения диалектов диалектологи пытались не только восстанавливать особенности древних диалектов, но и географию д и а л е к т н ы х т и п о в. Об этом писали Г. Асколи, Ж. Жильерон и многие другие диалектологи. Конечно, Мейе и Теньер имели в виду именно это.

На заседании 9 октября 1929 г. по инициативе Теньера было принято решение об организации во всех заинтересованных странах специальных комиссий по Славянскому лингвистическому атласу. Однако на закрытом заседании советской делегации Н. С. Державин решительно выступил против участия советских ученых в совместной работе с зарубежными лингвистами, отрицающими новое учение о языке Н. Я. Марра. Н. С. Державина поддержали Н. М. Каринский и руководитель делегации литературовед П. Н. Сакулин. В данной научной проблеме хорошо разбирался только один член делегации — белорусский ученый П. А. Бузук, но он промолчал. Позже позиция Державина была санкционирована руководством Института языка и мышления АН СССР. Это решение явно противоречило тому интересу к проблемам лингвистического картографирования, который уже существовал в нашей стране. Еще в 1928 г. П. А. Бузук опубликовал работу, содержащую обширное введение и 20 карт по фонетике и морфологии [5]. На самом пражском съезде Бузук прочитал доклад «Лінгвістычная географія як дапаможны метад пры вывучэнні гісторыі мовы».

Еще до решения советской делегации намечалась организация обширного проекта «Славянский лингвистический атлас». Его не удалось осуществить не только из-за позиции советской делегации. Острые споры возникли между болгарской и югославской делегациями по македонскому вопросу. Не нашла поддержки идея создания Славянского лингвистического атласа и у некоторых авторитетных славистов (например, у М. Фасмера). Теньер предполагал, что на съезде удастся утвердить проект «Славянского лингвистического атласа». Однако несмотря на активную поддержку польской делегации, а также А. Белича, проект не был утвержден. Теньер продолжал борьбу. Вскоре после завершения пражского съезда французский славист посетил нашу страну. В Москве у него состоялась длительная беседа с Д. Н. Ушаковым, в Ленинграде — с Б. А. Лариним. Однако эти встречи не дали никаких положительных результатов.

При оценке первых шагов диалектологов в области славянской лингвистической географии нельзя пройти мимо знаменитых тезисов «Пражско-

го лингвистического кружка», опубликованных в 1929 г. к I съезду славистов («Thèses présentées au Premier Congrès des philologues slaves»). В этих тезисах, как известно, были рассмотрены важнейшие очередные задачи, стоящие перед специалистами в области славянской филологии. Шестой и седьмой разделы «Тезисов» посвящены славянской лингвистической географии. Основное внимание авторами было уделено проблеме пучков изоглосс, так как именно всесторонний анализ этих пучков «...показывает, какие лингвистические явления находятся в *регулярной связи*...». Лингвистическое истолкование изолированных изоглосс невозможно, так как языковое явление как таковое, а также и его генезис и распространение не могут быть поняты без учета системы» [6, с. 351]. Авторы «Тезисов» справедливо пишут: «Точное установление лексических изоглосс в пределах славянских языков даст возможность с новой точки зрения взглянуть на историю всех славянских языков» [6, с. 36—37].

В 1931 г. Л. Теньер при активной поддержке А. Белича и К. Нича смог организовать полуофициальный Comité d'Organisation de l'Atlas linguistique slave. В него вошла группа польских диалектологов во главе с К. Ничем и М. Малецким, а также другие диалектологи из разных стран. Теньеру удалось убедить Фасмера занять более примирительную позицию по отношению к атласу. Дали свое согласие войти в состав Комитета Н. С. Трубецкой и С. Пушкарю. Руководство Комитетом сохранялось за французскими учеными. Почетным председателем был избран А. Мейе (Président d'honneur de Comité). Душой атласа продолжал оставаться Л. Теньер. Отсутствие в Комитете советских диалектологов заставило коренным образом изменить планы. От идеи создания Славянского лингвистического атласа пришлось временно отказаться. Теперь речь могла идти лишь о подготовке локальных атласов. Именно в этом направлении и пошла работа.

Значительным событием в истории славянской лингвистической географии довоенного периода была публикация языкового атласа Подкарпатя, осуществленная Малецким и Ничем [7]. Составители атласа в полной мере учли достижения германской и романской лингвистической географии, проявив одновременно и большую самостоятельность в решении ряда существенных задач. Карты атласа дают очень много ценных сведений из истории южнопольских говоров, для изучения контактов с соседними словацкими, румынскими и венгерскими говорами. Большую помощь и поддержку в организации лингвогеографических исследований в Польше оказал выдающийся польский лингвист Я. Розвадовский.

В 1934 г. в Польше проходил II Международный съезд славистов. Именно здесь была сделана последняя попытка вернуться к первоначальному плану. С нетерпением ждали приезда советской делегации. Однако на этот раз от нас никто не приехал. С отчетом о деятельности Комитета от имени Мейе выступил Теньер. Доклад и его обсуждение показали, что политическая обстановка того времени не давала условий для создания коллективных трудов, в которых бы участвовали ученые из стран с различным социальным строем. Тема была закрыта. Было рекомендовано отдельным национальным коллективам продолжать работу в рамках своих возможностей.

Во второй половине сентября 1939 г. в Белграде должен был состояться очередной, III Международный съезд славистов. В различного рода изданиях появились публикации, относящиеся к съезду. Организационный комитет съезда успел опубликовать тезисы большинства докладов по лингвистической, историко-литературной и методической секциям. Во главе

организационного комитета съезда стал А. Белич, лингвистическую секцию возглавил С. Ившич. По инициативе А. Белича на съезде предполагалось обсуждение вопроса о Славянском лингвистическом атласе. Среди публикаций по данной тематике следует особо отметить доклад польского лингвиста С. Роспонда. Докладчик впервые четко сформулировал различия между собственно лингвистическим и топонимическим атласами. Особое внимание Роспонд уделил картографированию словообразовательных элементов языка.

1 сентября вспыхнула вторая мировая война. 5 сентября Организационный комитет объявил об отмене III Международного съезда славистов.

У читателей может возникнуть вопрос: зачем теперь нужно подробно сообщать о первых шагах в области славянской лингвистической географии? Все дело в том, что в сводных работах, а также во многих статьях сообщаются неточные, а порой даже искаженные сведения. Послевоенные руководители Общеславянского лингвистического атласа в большинстве своем понимали задачи атласа иначе, нежели Теньер и Малецкий. Последние видели свою задачу в создании Славянского лингвистического атласа, а не атласа славянских языков. Напомню известное место из «Тезисов» Пражского лингвистического кружка. «Славянские языки так близки между собой, что различия между двумя соседними славянскими языками нередко оказываются менее заметными, чем различия между двумя соседними итальянскими диалектами» [6, с. 36]. Работа же над атласом с самого начала была ориентирована на создание атласа славянских языков. Отсюда новое название — Общеславянский лингвистический атлас (ОЛЈА).

В 1978 г. был опубликован Вступительный выпуск «Общеславянского лингвистического атласа», содержащий изложение общих принципов, а также справочные материалы (см. [8]). Имеется здесь и глава «К истории работы над ОЛЈА», где довоенному периоду посвящено несколько строк. О существенных расхождениях в понимании задач атласа нет ни слова. Имеется немало искажений и неточностей в различного рода публикациях последних лет, например, в рецензии З. Тополинской на первый выпуск ОЛЈА [см. 9]. Автор, активный член коллектива ОЛЈА, сообщает, что лингвистический атлас Подкарпатья был первым славянским лингвистическим атласом. Он вышел из печати в 1934 г. Напомню, что атлас Белоруссии П. А. Бузука был опубликован еще в 1928 г. Рецензент сообщает, что идея создания ОЛЈА родилась на основе польского атласа, что не соответствует действительности (см. выше). Начиная со II съезда славистов, самым активным деятелем стал польский лингвист, но не Штибер, как пишет Тополинская, а Малецкий. Роль З. Штибера велика, но его активная деятельность в этом направлении относится к более позднему времени. Достоин сожаления, что в обширной рецензии Тополинской не нашлось места для имени В. Дорошевского.

После завершения второй мировой войны в различных научных центрах сравнительно быстро возродился интерес к славянской лингвистической географии. Началась работа больших коллективов над атласами русского, белорусского, украинского, польского, кашубского, словацкого, сербо-лужицкого, болгарского, македонского, словенского, сербохорватского языков. Многие из указанных атласов уже опубликованы, над другими еще идет работа. Первое место среди опубликованных бесспорно занимает атлас кашубского языка, подготовленный коллективом варшавских диалектологов под руководством З. Штибера [10]. Кроме общих атласов, продолжается работа над региональными славянскими атласами, атласами определенных географических зон.

В 1946 г. по инициативе руководства Ленинградского университета в Ленинграде состоялась первая после войны международная конференция славистов, на которой было принято решение провести в Москве в 1948 г. очередной международный съезд славистов. С начала 1947 г. началась интенсивная подготовка к съезду. Была выработана и утверждена проблематика, предварительно намечены докладчики. Диалектологи приняли решение возобновить работу над славянским атласом. На эту тему быстро было подготовлено несколько докладов. В связи с известными югославскими событиями 1948 г. съезд славистов не состоялся. Из подготовленных докладов позже был опубликован лишь доклад Б. А. Ларина [11]. Дальнейшая публикация подготовленных докладов на эту тему была лишена смысла. Всякие контакты с югославскими учеными были прерваны. Таким образом, общеславянская проблематика не могла предполагать участия в ее реализации ученых Югославии. Положение коренным образом изменилось в середине 50-х годов. С 15 по 21 сентября 1955 г. в Белграде состоялась международная встреча славистов, на которой были обсуждены многие научные и организационные вопросы. Позже было принято решение о проведении первого послевоенного съезда славистов в Москве в 1958 г. Съезд был назван четвертым.

Серьезная подготовка к съезду началась в 1956 г. Специалисты по славянской диалектологии не могли не воспользоваться новой возможностью начать работу над Славянским лингвистическим атласом. Началась интенсивная переписка, обсуждение различных аспектов будущего атласа. Еще до съезда был подготовлен и опубликован сборник ответов по языкознанию [12]. Вопрос № 27 гласил: «Как Вы относитесь к вопросу о возможности построения лингвистического атласа отдельных групп славянских языков или славянских языков в целом? Каково должно быть построение такого атласа?». Полученные ответы (а их пришло 12) в основном шли мимо главной проблемы — в чем отличие лингвистических атласов отдельных славянских языков от атласа славянских языков в целом? В этом виноваты были составители вопросника. Нужно было более четко сформулировать вопрос. В своем ответе В. Эрнстс (Тарту) пишет, что нужно отличать атласы отдельных славянских языков, атласы отдельных групп славянских языков, атлас славянских языков в целом [12, с. 258]. Все это справедливо. Но главное состоит в точном определении этих различий на теоретическом и методическом уровнях. В ответе эстонского лингвиста этот важнейший вопрос не был освещен. В ответах В. Важного (Прага), Й. Хамма (Загреб, Вена), И. Поповича (Белград), Е. Диккенмана (Берн), Й. Скулины (Брно), Е. В. Чешко (Москва), И. Ковалика (Львов) и других лингвистов было много весьма ценных мыслей, но главный для нас аспект остался неосвещенным: — в чем состоит главное и принципиальное отличие двух типов атласов? Все указанные лингвисты защищают идею создания Славянского лингвистического атласа, но убедительных аргументов не предлагают. Лишь романист Р. Г. Пиотровский (Ленинград) выступает вообще против создания ОЛА. Он пишет: «... составление атласа отдельных групп славянских языков, а тем более славянских языков в целом непосредственно после завершения таких зональных атласов, как Русский, Украинский, Польский, Болгарский и т. д., вряд ли представляется целесообразным. Целям такого эскизного сравнения с успехом отвечают уже существующие сравнительные грамматики и фонетики славянских языков» [12, с. 265—266].

На заседании Международного комитета славистов в 1956 г. докладчиками по ОЛА были утверждены Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн и

3. Штибер. Первые два приняли решение подготовить совместный доклад. Польский ученый свой доклад опубликовал в московском сборнике [13].

Работу над совместным докладом московские докладчики начали осенью 1957 г. Очень скоро обнаружили коренные различия во взглядах на предмет. Один докладчик главную задачу видел в том, чтобы с помощью будущего атласа выяснить вопрос об отношении лингвистической географии к проблемам структуры языка. Основное внимание другого докладчика было направлено на конкретные проблемы сравнительной грамматики славянских языков. Практически различия сводились к следующему: один докладчик хотел выяснить на материале славянских языков одну из общих проблем теоретического языкознания; другой же стремился решать конкретные проблемы из истории славянских языков. Выход был найден: первую часть доклада писал один докладчик, вторую часть — другой. Во второй части доклада §§ 4, 5, 6 написаны совместно. Доклад в виде брошюры был опубликован к съезду [14]. Предполагалась вторичная публикация доклада в сборнике. Однако по настоянию Бернштейна вторичного издания не было, так как во время работы над докладом, а также его обсуждения на съезде обнаружили расхождения. Всестороннее обсуждение проблемы выявило немало новых аспектов. Стало очевидным, что на IV съезде славистов диалектологи лишь прикоснулись к большой, сложной и в каком-то смысле новой проблеме исторического славянского языкознания. Свою часть доклада под названием «О двух аспектах предмета диалектологии» Аванесов опубликовал позже в сборнике [15].

Краткий доклад Штибера освещал, на первый взгляд, частные аспекты ОЛА. Однако в действительности они подводили диалектологов к решению весьма существенных задач будущего труда. Штибер первый указал на серьезную опасность привлечения слишком большого числа населенных пунктов. По его расчетам, оно в минимальном варианте не должно превышать 350 (русский язык — 120 пунктов, украинский — 60, белорусский — 30, чешский и словацкий — 30, польский с кашубским — 50, болгарский — 20, языки Югославии — 40, лужицкие языки — 3). Работа над ОЛА должна быть тесно связана не только с изучением диалектов, но одновременно и с исследованиями по сравнительной грамматике славянских языков, по лексикологии. Необходимо собрать ответы из некоторых пунктов с неславянскими языками, но находящимися с давних пор в контакте со славянскими землями (венгерский, румынский и т. д.). Самой трудной задачей, стоящей перед составителями ОЛА, является подготовка вопросника, который, по мнению Штибера, должен иметь не менее 3000 вопросов [13]. В произнесенном докладе на съезде Штибер назвал 2000 вопросов [16]. Для решения всех указанных задач, а также для разработки общей транскрипции и ряда других вопросов необходимо создать международную комиссию ОЛА. В состав комиссии необходимо включить этнографов.

К съезду были подготовлены и опубликованы не только указанные доклады. Диалектологи разных стран по инициативе В. Дорошевского подготовили целую серию карт, которая демонстрировалась на съезде. Карты были выполнены квалифицированными диалектологами, но они убедительно свидетельствовали, что их составители не отличают ОЛА от атласов отдельных славянских языков ни по задачам, ни по технике исполнения. Во время обсуждения карт М. Н. Преображенская, член коллектива, сказала: «Мы рассматриваем карты, составленные на общеславянском материале, только как предварительные варианты и эскизы, так как они не были обеспечены равноценным и сопоставимым материалом. Работа над

этими картами показала, что для картографирования лингвистического материала на такой большой территории обязательно требуется предварительная договоренность по ряду технических вопросов. Во-первых, мы имели материал, записанный и в транскрипции, и в орфографии, причем почти в каждом языке принята своя система транскрипции... Во-вторых, между нами не было договоренности о том, как относиться к экспрессивно окрашенным словам, к словам с разными оттенками значений и, наконец, к словам, обозначающим разные реалии... Практически мы вынуждены были пренебречь данными о различиях в оттенках значений картографированных слов, хотя мы отдаем себе отчет в том, что для серьезного научного картографирования этот материал должен был быть подвергнут тщательному предварительному изучению и уточнению» [17]. К справедливым словам Преображенской следует лишь добавить, что договоренность отсутствовала не только по ряду технических вопросов, но и по основным теоретическим вопросам. Представленные карты не отвечали самым элементарным требованиям лингвогеографического описания. Руководитель всего предприятия В. Дорошевский в своем кратком выступлении ограничился словами благодарности. Трудно понять позицию Р. И. Аванесова, который через 20 лет после съезда писал: «Московский и варшавский диалектологические центры при участии чехословацких и югославских лингвистов на основе некоторого количества общих ономастологических вопросов в вопросниках национальных атласов составили 20 пробных карт, которые были продемонстрированы на Московском съезде и наглядно свидетельствовали о возможности создания ОЛА» [18]. В действительности карты группы Дорошевского не только не давали ответа на основные проблемы будущего ОЛА, но они по всем показателям уступали картам атласов отдельных славянских языков как уже завершенных, так и находящихся в работе. Все доклады, выступления, специально подготовленные карты наглядно свидетельствовали, что диалектологи-слависты не имеют ясного представления о будущем ОЛА. Многие выступавшие на съезде диалектологи уверенно заявляли, что ОЛА будет коренным образом отличаться от частных славянских атласов, но ясного представления об этих отличиях не имели. Это четко и определенно признал Я. Белич: «...до разработки анкеты и работы по составлению атласа необходима подробная теоретическая разработка всех связанных с этим вопросов... Для успешной подготовки атласа необходима продуманная координация всех работ» [19]. На самом съезде это осуществлено не было. Тем не менее было принято решение, подтверждающее необходимость создания ОЛА. Была создана инициативная группа в составе 17 человек. На заседании инициативной группы по предложению В. Дорошевского было рекомендовано провести первое заседание в Варшаве. Никаких конкретных постановлений принято не было.

Первое заседание инициативной группы ОЛА было проведено осенью 1959 г. в Варшаве. В делегацию от Советского Союза входили С. Б. Бернштейн и В. Г. Орлова. В Варшаве стало известно, что З. Штибер не будет принимать участия в работе над ОЛА. Было очевидно, что предстоит острая дискуссия.

Первое заседание было открыто кратким вступительным словом В. Дорошевского. Он призывал всех нас к реализму и толерантности. После этого слово было предоставлено С. Б. Бернштейну для доклада «Основные принципы ОЛА» (доклад не был опубликован). Вот его основные положения.

Между участниками предстоящей работы над ОЛА имеются известные расхождения. Однако они преодолимы, так как все признают, что между атласами отдельных славянских языков и ОЛА имеются весьма существенные отличия. На съезде в Москве выявить эти различия нам не удалось. Теперь в Варшаве главная задача состоит в четком выявлении этих различий. От этого зависит вся дальнейшая работа. Если с этой задачей мы не справимся, все наши планы рухнут. Зачем создавать ОЛА, если карты будут повторять карты атласов самостоятельных славянских языков? Это очевидно.

1. Составители лингвистических атласов славянских языков уделяют большое внимание национальной атрибуции фактов. Польский диалектолог включает в атлас те карпатские говоры, которые, по его мнению, являются говорами польского языка. Аналогично поступает диалектолог других славянских языков. В нашем случае национальная атрибуция лишена всякого смысла. Мы изучаем не русские, польские, болгарские и т. д., а славянские говоры. Таким образом, мы имеем дело не с национальной атрибуцией, а с этнической атрибуцией (славянское противопоставляется неславянскому). Так понимали задачу Славянского лингвистического атласа первые его создатели. В этом пункте мы должны вернуться к ним. Допускаю, что читателя ОЛА может заинтересовать национальная атрибуция отдельных диалектных признаков или изоглоссов. В этом случае он может воспользоваться картой, на которой должны быть указаны государственные границы. Если эта информация читателя не удовлетворит, он должен обратиться к национальным атласам. Таким образом, карты ОЛА на карте Европы обособляют славянский языковой мир и показывают его диалектные типы.

2. Вся наша работа в области лингвистической географии шла в плане диахронического языкознания. Наши национальные атласы дают новый и весьма ценный материал для изучения истории национальных славянских языков. Именно этому подчинена вся наша деятельность в области диалектологии. Об этом же мы говорили и на прошлогоднем съезде славистов. В этом аспекте мы не делаем различий между национальными славянскими атласами и ОЛА. Теперь я думаю иначе. Конечно, и в работе над ОЛА мы будем иметь дело с диахронией. Однако в отличие от обычных национальных атласов ОЛА потребует от нас особого внимания к синхронно-функциональному аспекту. Думаю, что именно здесь идет главный различительный признак ОЛА от национальных атласов.

3. У нас большой опыт в области лингвистической географии. Однако теперь перед нами поставлена совершенно новая задача, решить которую прежними приемами нельзя. Многие будут решать теперь иначе. В каком-то смысле мы будем проходить учебный период. Поэтому целесообразно всю работу над ОЛА поделить на два этапа. О чем конкретно идет речь? Сначала целесообразно начать работу над пробным ОЛА и лишь после его завершения — работу над основным трудом.

4. Транскрипция. У славистов-диалектологов единой транскрипции нет. Нет сомнений в том, что в ОЛА должна быть единая фонетическая транскрипция. Тут возникает ряд вопросов. Конечно, транскрипция ОЛА должна строиться на основе латинского письма. Подобная транскрипция широко применяется восточнославянскими и южнославянскими диалектологами, тогда как западнославянские диалектологи никогда кириллицей не пользуются. Имеется еще один аргумент. Все праславянские реконструкции в любой стране осуществляются на основе латинского алфавита. Необходимо решить еще один существенный вопрос: в какой степени в ОЛА будут учитываться фонологические противопоставления? Будет ли нужна не только в фонетической транскрипции, но и в фонологической?

5. Число населенных пунктов. В Москве на съезде называли очень большую цифру. Реалистичнее предложение З. Штибера — 350 пунктов. Для пробного ОЛА можно было бы установить 150.

6. Вопросник. Большая, трудная и весьма ответственная работа. Нужно ли включать в вопросник ОЛА вопросы, представленные во всех национальных атласах? Уверенно ответить на этот вопрос трудно. Нужно всесторонне его обсудить. В какой степени при подготовке карт ОЛА можно и нужно использовать материал национальных атласов?

7. На Московском съезде славистов широко обсуждали вопрос о роли и месте в ОЛА неславянских языков. Здесь нужно различать два явления: неславянские языки (румынский, венгерский и др.) и славянские говоры на территории неславянских государств. Очевидно, что мимо данных фактов пройти нельзя.

Широкого обсуждения доклада не состоялось. Первым выступил В. Дорошевский. В самой решительной форме он заявил, что выступает против основных положений доклада. Особенно резко выступил В. Дорошевский

по первому пункту, усмотрев в нем антипольскую тенденцию. Он заявил, что если доклад будет утвержден, то тогда он и его коллектив диалектологов принимать участия в работе над ОЛА не будут. Трудно было ожидать после этого спокойное и деловое обсуждение. Б. Гавранек пытался несколько сгладить напряжение, сказав, что ничего антипольского в первом пункте нет. Первый пункт в равной степени относится ко всем славянским языкам. Подробнее Б. Гавранек изложил свое отношение ко второму пункту доклада, отметив, что необходимо глубже осветить структурно-типологический аспект ОЛА. Именно в этом пункте, по его мнению, заложено главное отличие ОЛА от национальных атласов. Я. Белич горячо поддержал мысль о создании пробного атласа. Вскоре после варшавского заседания он даже подготовил проект Пробного вопросника и опубликовал его в «Вопросах языкознания» (1963, № 1). С. Утешены по этому вопроснику обработал материал из 42 населенных пунктов [20]. Однако на этом все и закончилось. Подлинного интереса к работе чешских диалектологов проявлено не было. Мысль о создании пробного ОЛА увяла на корню.

В 1960 г. у меня состоялась длительная и очень важная беседа с Б. А. Гавранком в Праге. Речь шла о взаимоотношении ОЛА с национальными славянскими лингвистическими атласами. Свои рассуждения чешский ученый построил на материале уменьшительных именных суффиксов. Сначала был рассмотрен уровень историко-генетический. На этом уровне различия между чешским и русским языками оказались сравнительно незначительными. Они могут быть выявлены при сравнении данных соответствующих карт из русского и чешского национальных атласов. Совсем иную картину показали сравнения на уровне синхронно-функциональном. Здесь различия оказались весьма глубокими. По мнению чешского лингвиста, материал именно такого рода и должен быть использован в ОЛА. В заключение беседы Гавранек отметил, что славянские диалектологи, работающие в области лингвистической географии, плохо знакомы с западно-европейской лингвистической географией. Это не имело серьезных последствий, пока работа шла над славянскими национальными атласами. Положение изменилось коренным образом, когда началась работа над ОЛА. Здесь в полной мере необходим учет достижений романистов и германистов. Без этого успешно завершить работу над ОЛА нельзя. Далее Б. Гавранек отметил, что не следует забывать французских ученых, инициаторов этого труда.

Историю ОЛА начинают обычно с 1961 г., когда в Праге инициативная группа была реорганизована в постоянно действующую Комиссию ОЛА при Международном комитете славистов. Именно с этого времени можно говорить о завершении подготовительного этапа в формировании постоянно действующего состава сотрудников ОЛА. Руководящую роль в Комиссии стали играть Р. И. Аванесов и В. Дорошевский. Среди основателей ОЛА официально указывают Р. И. Аванесова, А. Белича, С. Б. Бернштейна, Б. Гавранка, В. Дорошевского, С. Стойкова, З. Штибера. Однако большинство из указанных ученых следует считать не основателями ОЛА, а инициаторами создания ОЛА. Никто из указанных славистов не может нести ответственности за ОЛА.

Уже на первых этапах деятельности Комиссии ОЛА обнаружилось стремление всеми возможными способами стереть коренные различия между ОЛА и национальными атласами. Это сказалось прежде всего в установлении фантастического для ОЛА числа населенных пунктов (850). Для обычных атласов отдельных славянских языков пребывание в каждом населенном пункте не превышает 4—5 дней. Опытный диалектолог во мно-

гих случаях может справиться с задачей и в более короткий срок. Для атласа синхронно-функционального минимальный срок пребывания в селе должен быть установлен в 10 дней. Легко себе представить, сколько времени нужно будет потратить для сбора материала в 850 пунктах! Это непродуманное решение превратило всю деятельность ОЛЯ в бесперспективное предприятие, рассчитанное на многие десятилетия. То же самое нужно сказать и о Вопроснике, который включал 3454 вопроса. При его составлении не учитывались вопросы национальных атласов. А это дало бы большие возможности для сокращения Вопросника ОЛЯ (за счет тех вопросов, которые представлены во всех вопросниках национальных атласов).

Самое главное, однако, состоит в полном тождестве теоретических и методических принципов ОЛЯ и национальных славянских атласов. Руководители ОЛЯ пытаются это отрицать. «...уже пробное картографирование показало, что ОЛЯ и национальные атласы — принципиально различные работы, каждая из которых имеет свой особый объект, различные задачи, специфическую проблематику» [8, с. 27]. Однако нигде эти различия не сформулированы. Да их и нет, так как главной задачей ОЛЯ объявлено генетическое, диахроническое изучение славянских диалектов. На каком-то этапе работы над ОЛЯ руководителей неожиданно стало беспокоить отсутствие синхронно-функциональных характеристик. Однако еще во Вступительном выпуске ОЛЯ читаем: «Как уже было отмечено выше, приоритет был отдан точке зрения генетической, диахронической» (8, с. 35). Совершенно неожиданно в докладе Аванесова встречаем: «ОЛЯ должен дать материал, который способствовал бы решению двух качественно различных проблем — проблемы историко-сравнительной и проблемы синхронно-типологической» [18, с. 9]. Однако осознание необходимости синхронно-функционального изучения данных ОЛЯ пришло слишком поздно. Собранный материал по вопроснику ОЛЯ не дает возможности подготовить карты, освещающие структурно-функциональные аспекты. В этом трагедия коллектива ОЛЯ.

Интерес к проблемам структурной типологии в славянском языкознании наступил после определения задач ОЛЯ, после создания Вопросника. Нет ничего удивительного в том, что в коллектив ОЛЯ пришло понимание важности нового аспекта. Однако работа в области структурной типологии шла параллельно и независимо от работы над ОЛЯ. Да иначе и быть не могло, так как ОЛЯ с самого начала был ориентирован на диахроническое языкознание. Приведу один пример. За последние годы сотрудница коллектива ОЛЯ Т. И. Вендина опубликовала несколько интересных статей, посвященных функционированию именных суффиксов в современных славянских языках. Она справедливо пишет: «...функциональный подход к изучению славянского именного словообразования свидетельствует о том, что, несмотря на базисное единство основного корпуса словообразовательных средств, унаследованных еще из праславянской эпохи, в функциональном использовании этих общих для всех славянских языков суффиксов в каждом славянском языке или группе языков имеются свои особенности. Наряду с типологически сходными функциональными признаками, славянские языки демонстрируют бесконечную вариативность, отклонения, несовпадения в их употреблении, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая» [21]. Еще более четко эта мысль изложена в другой ее статье: «Расхождения славянских языков с точки зрения функционального использования общеславянских аффиксов для

типологии и классификации славянских языков имеют значительно большее значение, чем различия инвентарные, так как они помогают воссоздать с наибольшей достоверностью и убедительностью общую картину процесса развития словообразовательных систем славянских языков и в конечном итоге определить самобытность и оригинальность каждого славянского языка в отдельности» [22]. Четкое и ясное понимание задач в данном случае вошло в противоречие с материалом и с общими заключениями. Все дело в том, что Вендина вынуждена была опираться на старый материал, зафиксированный в словарях, в диалектологических описаниях, в грамматиках литературных языков. Ее характеристики идут на уровне языков, а не диалектов. Все это достаточно при сопоставлении глобальных структур (например, различия в употреблении уменьшительных суффиксов в славянских литературных языках), но мало что дает при их изучении на уровне диалектов и говоров. В статьях Вендиной находим общие характеристики славянских языков без учета особенностей диалектных отличий. Закономерно, что в ее статьях нет карт. Вместе с коллективом ОЛА она была рядом с ценнейшим материалом по именному словообразованию, но этот материал в ОЛА не фиксировался.

Международный коллектив славянских диалектологов за 30 лет интенсивной работы собрал и обработал большой материал. Ценность для науки его велика, так как в современных славянских странах идет интенсивный процесс стирания диалектных различий. Им с благодарностью воспользуются историки славянских языков. Однако основную задачу, ради которой создавался ОЛА, решить на его основе невозможно.

Свыше 30 лет прошло после завершения IV Международного съезда славистов в Москве. Это был первый съезд, который объединил славистов всего мира. Было обсуждено много интересных и важных проблем из различных областей славяноведения. Было много планов и проектов. Пора подвести итоги. К сожалению, большинство лингвистических планов оказалось невыполненным. Нет словаря церковнославянского языка, нет топонимического атласа, нет фундаментальных трудов по истории славянских литературных языков... Много было опубликовано тематических сборников, но, как показал их анализ, большой научной ценности они не имеют. На первый взгляд, проект ОЛА в какой-то степени осуществлен. Но это лишь на первый взгляд. В действительности же и здесь итоги неутешительные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дурново Н. Н., Соколов Н. П., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915.
2. Meïe A. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 58.
3. Tesnière L. Atlas linguistique pour servir à l'étude du duel en slovène. P., 1925.
4. Pop S. La dialectologie. P. II. Louvaine, 1950. P. 958.
5. Вузуз П. А. Спроба лінгвістичнає географії Беларусі. Меньск, 1929.
6. Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967.
7. Atlas językowy Polskiego Podkarpacia. T. I—II. Kraków, 1934.
8. Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск: Общие принципы. Справочные материалы. М., 1978.
9. *Торольска З. // Билтен. 1988. Т. XV, № 2. Рец. на кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Вып. 1. Рефлексы ъ. Београд, 1988. С. 22.
10. Stieber Z. Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. T. I — 1965; T. XV — 1978. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk.
11. Ларин Б. А. О принципах составления атласа славянских языков // Уч. зап. ЛГУ. 1949. Сер. филол. наук. Вып. 14.
12. Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов). М., 1958.

13. *Stieber Z.* O projekcie ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego / Славянская филология: Сб. статей. Т. I. М., 1958.
14. *Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б.* Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа. М., 1958.
15. *Аванесов Р. И.* О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и сообщения. М., 1965.
16. *Штибер З.* [Резюме докл.] Общеславянский лингвистический атлас // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II: Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
17. *Преображенская М. Н.* [Выступление] // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. II: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 366—367.
18. *Аванесов Р. И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958—1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. М., 1978.
19. *Белич Я., Штолц Н.* [Резюме докл.] Систематическое изучение чешских и словацких говоров и проблема их атласа // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. II: Проблемы славянского языкознания М., 1962.
20. *Утешены С.* Из опыта работы с пробным Вопросником Общеславянского лингвистического атласа // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1965.
21. *Вендина Т. И.* К вопросу о типологическом сходстве и различии славянских языков на уровне словообразования // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 173—174.
22. *Вендина Т. И.* К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 157.